

словарь. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 512 с.

3. Бодлер Ш. Цветы зла: стихотворения / пер. с фр. Эллис. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 448 с.

4. Пастернак Б. Л. Сестра моя – жизнь: стихотворения, роман в стихах. – М.: Эксмо, 2012. – 640 с.

5. Фарыно Е. Белая медведица, ольха, Мотовилиха и хромой из господ. Археопэтика «Детства Люверс» Бориса Пастернака. – Стокгольм: Стокгольмский университет, 1993. – 87 с.

6. Эпштейн М. Н. Стихи и стихия. Природа в русской поэзии 18-20 вв. – Самара: Бахрах – М., 2007. – 352 с.

7. Энциклопедия символов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/> (дата обращения: 03. 03. 2018).

Т. М. Демежанов
Казахстан, г. Семей
Государственный университет имени Шакарима города Семей

О ТРАНСФОРМАЦИЯХ СОНЕТА НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.

Аннотация

В статье на уровне анализа формы и содержания раскрывается влияние стихотворения И. Бродского «Двадцать сонетов к Марии Стюарт» на стихотворение казахстанского поэта Р. Жумановой «Двадцать сонетов к Шокану Уалиханову».

Ключевые слова: сонет, И. Бродский, Р. Жуманова, «Двадцать сонетов к Марии Стюарт», «Двадцать сонетов к Шокану Уалиханову», интертекстуальность.

Согласно И. Бродскому «стихосложение на сегодняшний день по-русски, само по себе, есть «одна великолепная» (часто неуместная и неуклюжая) цитата» [1, с. 181]. Мысль эта актуальна и находит подтверждение в современной казахстанской поэзии. Для наглядности обратимся к «Двадцати сонетам к Шокану Уалиханову» Рены Жумановой, которые, кажется, навеяны чтением того же И. Бродского, и исходя из заглавия представляют собой реминисценцию на мотивы его «Двадцати сонетов к Марии Стюарт» (1974).

В самом общем виде реминисценция – это отсылка к «чужому» тексту, сознательное или неосознанное использование автором поэтического опыта предшественников, которое имеет интеллектуальный и творческий характер.

На первый взгляд, сонетов «связующая нить» Нобелевского лауреата и поэта «местного» значения может показаться натянутой и хрупкой, чисто ассоциативной, сам же Бродский здесь «ни при чем». Однако при внимательном прочтении упомянутых произведений выясняется, что они «не столь различны меж собой», а оснований для сопоставления оказывается

вполне достаточно: в сонетах И. Бродского и Р. Жумановой обнаруживается немало совпадений, как на формальном, так и содержательном уровнях и аналогия напрашивается сама собой.

Бросаются в глаза, прежде всего, внешние параллели. Укажем лишь на некоторые из них: отступление от жанровых канонов сонета, формальное и стилистическое расширение его границ, использование нетипичной для сонетов схемы рифмовки, ритмики и лексических пластов.

Адресатом сонетов выступают исторически значимые аристократические лица – королева Шотландии Мария Стюарт, в первом случае, и «принц крови Мухаммед Ханафия», более известный как Шокан Уалиханов - во втором. Выбрав их в собеседники, авторы делятся с читателем о «наболевшем», о времени и о себе, придерживаясь подчеркнуто иронической интонации.

Можно уловить и сходство замыслов, на которые есть указания в тексте: И. Бродский, «в старое жерло, вложив заряд классической картечи», стремится «в отчаянной попытке возвеличить момент соединения...»,

Р. Жуманова, уверяя читателя «наш диалог – отнюдь не чепуха» – «соитью помыслов» с Шоканом. Здесь должно отметить принципиальную разницу авторских позиций. Если выбор И. Бродского, скорее, космополитичен, то выбор казахстанского поэта продиктован желанием «поклониться праху своих великих предков, побывать в местах, открытых для нас, неблагодарных потомков, великим Чоканом, окунуться в биографии замечательных людей прошлого, мешая реальные факты во имя вымысла писательского мастерства» [2].

Выбор адресата у Бродского, пожалуй, случаен – встреча со статуей Мари Стюарт в Люксембургском саду во Франции. Выбор Р. Жумановой в какой-то степени осознан и мотивирован биографически: Шокан Уалиханов не только именитый соплеменник автора, но и земляк по «совместительству» - оба они с кокчетавщины.

В обоих случаях поводом к поэтической интерпретации становятся детские впечатления от просмотра кинофильма, точнее, от игры актеров (трофейное кино «Сердце королевы» (1940) с Сарой Леандер в главной роли и многосерийный телефильм «Чокан Валиханов» (1985) с рано ушедшим из жизни Саги Ашимовым(1961-1999).

Прокомментируем дальнейшие совпадения, непосредственно обращаясь к текстам.

«Двадцать сонетов к Марии Стюарт»	«Двадцать сонетов к Шокану Уалиханову»
В конце большой войны не на живот, когда что было, жарили без сала, Мари, я видел мальчиком, как Сара Леандр шла топ-топ на эшафот.	В тебя, как в куклы, я тогда играла, с телеэкрана хрупкую судьбу впитав по капле, шумную гурьбу друзей дворовых молча отвергала. Блеск эполет, еще живой Саги

	красив как бог – и детские мозги оторвались от будней без пейота..
--	--

«По моему убеждению, она была самой красивой женщиной, когда-либо появлявшейся на экране...», – напишет о Саре Леандер впоследствии И. Бродский. По убеждению лирического героя Р. Жумановой, актер Саги Ашимов также достоин восхищения – «красив как бог».

Укажем здесь и на схожий способ рифмовки слов, далеких друг от друга в стилистическом значении:

Сара – сала (у Бродского), *Саги – мозги* (у Жумановой).

Интонационно близкими становятся начальные строки сонетов, приглашающие собеседника к непринужденному разговору:

«Двадцать сонетов к Марии Стюарт»	«Двадцать сонетов к Шокану Уалиханову»
Мари, шотландцы все-таки скоты. В каком колене клетчатого клана предвиделось, что двинешься с экрана и оживишь, как статуя, сады?	Шокан, позволь начать с акростиха. Осмелюсь говорить без экивоков, Как на духу (не вижу в том порока), А реверансы – этикетная труха. Наш диалог – отнюдь не чепуха..

Обращение к адресату без должного пиетета, фамильярность по отношению к нему в начале сонетов – поэтическая условность, поскольку адресаты – не реальная историческая личность, а некий образ Мари и образ Шокана. Впрочем, замену «пустого «вы»», «сердечным «ты» Р. Жуманова «оправдывает» и ссылкой на возраст:

*Без панибратства и без брудершафта,
я просто старше – скоро третий мушель жас.*

(В казахском летоисчислении «мушель жас» – возрастные вехи повторяющиеся через каждые 13 лет (т.е. 13, 25, 37, 49 лет и т.д.), которые знаменуют переходный критический возраст)

Осмысление культурно-исторической роли Ш. Уалиханова в судьбе казахского народа, его просветительской миссии для Казахстана и России у Р. Жумановой происходит на фоне поэтического переложения известных фактов и событий (упоминание о казни предшественника Ш. Уалиханова немецкого путешественника и географа Адольфа Шлагинтвейта, незаконно проникшего в Кашгарию), а также через призму официальной биографии казахского ученого (проникновение в Китай под видом купца Алимбая, смерть от чахотки).

Но главное внимание уделяется, как и у Бродского, «легендарной» биографии ученого, кривотолкам и пересудам вокруг подробностей частной, интимной жизни:

«Двадцать сонетов к Марии	«Двадцать сонетов к Шокану
---------------------------	----------------------------

Стюарт»	Уалиханову»
<p>Число твоих любовников, Мари, превысило собою цифру три, четыре, десять, двадцать, двадцать пять.</p> <p>Нет для короны большего урона, чем с кем-нибудь случайно переспать.</p> <p>.... И с этой точки зренья ни на пядь не сдвинете шотландского барона. Твоим шотландцам было не понять, чем койка отличается от трона.</p> <p>В своем столетьи белая ворона, для современников была ты блядь.</p> <p>V</p>	<p>В делах амурных что-то не ахти – значенье, в сумме близкое к зеро.</p> <p>Врать обоюдоострое перо мне не велит. И всё же – что в актив?</p> <p>Брак с некой Айсары в конце пути, сестрой Тезек-султана? Здесь хитро игра дальнеприцельная в нутро схоронена, секреты – взаперти.</p> <p>Роман с женой простого туленгута чуть раньше? В хвате щупальцами спрута общественного мненья захирел.</p> <p>Миф омичей – твоя любовь к Любове, супруге Гасфорта? Неурожай в алькове – цена таланта, избранных удел.</p>

Доминирующими в интерпретации исторической личности становятся мотивы одиночества, зависти. У Бродского Мари – «в своем столетьи белая ворона», возмущавшая свободой своего поведения и раздражавшая «красотой лица» – видимо, жертва ханжества и ревнивой зависти. Шокан у Р. Жумановой – «пригожий мальчик (не брутальный мачо)» и «восьмигранный» (т.е. аристократически утонченный) джигит, вызывающий зависть у «кадетов омских и местных орлов», «тотально одинокий самородок», который родился «не в ту эпоху» и «ораторствовал, словом наповал разя противника» (сонет 7).

Художественная система сонета Р. Жумановой содержит многочисленные отсылки к самым разным текстам и культурным пластам, к которым в своем сонете обращался и И.Бродский. Вот лишь некоторые:

«Двадцать сонетов к Марии Стюарт»	«Двадцать сонетов к Шокану Уалиханову»
<p>II</p> <p><i>Мы вышли все</i> на свет из кинозала, но нечто нас в час сумерек зовет назад, в «Спартак», в чьей плюшевой утробе приятнее, чем вечером в Европе.</p>	<p>10</p> <p>Шокан, <i>мы вышли из</i> одной шинели и носим бережно добротное сукно, ногой неверной <i>за прорубленным окном</i> нащупывая почву.</p>
<p>VII</p> <p>Кафе. Бульвар. Подруга на плече. Луна, что твой <i>генсек</i> в параличе.</p>	<p>3</p> <p>Я четверть века мыслью отмотала туда, где был <i>генсек с пятном во лбу</i>, где гласность по талонам в дар рабу крошили у крутого перевала.</p>
<p>Он, будучи на многое горазд,</p>	<p><i>Но дважды</i> в эту реку</p>

не сотворит - <i>по Пармениду - дважды</i> сей жар в крови,	нам не шагнуть. И в старое пальто не втиснуть плечи, тело уж не то.
--	--

К поэтическим особенностям сонетов И. Бродского относят стилистический разлад с канонами жанра, смешение различных стилей. Это характерно и для сонета Р. Жумановой. Если рассматривать отдельные лексические единицы произведения вне его контекста, мы увидим, что она использует элементы самых разных лексических пластов:

а) это просторечная или разговорная лексика: *как на духу, труха, чепуха, в чистом поле, хомут накинула себе, в прорубь головой, отмотала, гурьбу, мозги, лет на тыщу, в делах амурных что-то не ахти, кто во что горазд, вертявой нечисти, безнадёга, мели, Емеля, сегодня так, но завтра будет этак, здешних мест, в упор не замечал, не давши сдачи ни одному;*

б) варваризмы: *без эквивоков, тет-а-тет, идеей фикс, киот, без пейота, без брудершафта, «гуд бай», брутальный мачо, аурум, тривиально., гяур, кайсак, харизмой, метрдотель;*

в) экзотизмы, точнее казахизмы: *туленгут, мушель жас, в ответ на «хал калай» скажу «жаксы», аруах, ты «восьмигранным» был (сегіз кырлы), шала-казах;*

г) слова обозначающие национально-специфические реалии советской эпохи, хорошо знакомые автору цикла, т.е. советизмы: *генсек, ЖКТ;*

д) слова и словосочетания, обладающие возвышенной поэтической окраской: *перстом пророка, он – рыцарь мой, я – дама сердца в башне, венец соитья наших помыслов – сонет, перо – моя соха, блеск эплет, мой загадочный кумир;*

Главная лексическая особенность текста «Двадцати сонетов Шокану Уалиханову» – это разнородность его словаря, включающего в себя элементы практически всех лексических систем.

Р. Жуманова, называя стихотворение «Сонет», с одной стороны, включает его в богатую литературную традицию, а с другой, «прилежно» следуя за И. Бродским и во многом нарушая правила сонета, передает культурную инаковость своего сонета и делает его смелым экспериментом. Текст становится актом утверждения собственной свободы, выходом за границы тесного пространства условий и правил.

Вместе с тем, пародийное гибридно-цитатное двуязычие сращивает прошлое с настоящим, высокое с низким, элитарное с массовым, способствует деканонизации канонизированного, раскрепощает сознание читателя, которого ничему не поучают, а вовлекают в чтение-игру, имеющее начало, но не предполагающее конца.

Используемая литература

1. И. Бродский. Трагический элегик. О поэзии Евгения Рейна. – М.: Знамя, 1991. – № 7. – С. 181.

2. Б. Канапьянов, Непараллельные прямые в точке икс. [Электронный ресурс]. – URL: <http://akmvest.kz/?p=2064>.

*А. Ю. Мизанов
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к. филол. н., доцент Н. Ю. Абузова*

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ РОМАНА ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР»

Аннотация

Статья рассматривает поэтику романа Е. Водолазкина «Авиатор», подробно останавливаясь на структуре произведения. Рассматриваются вопросы о соотношении настоящего и прошлого в произведении, о форме повествования, об интертекстуальности.

Ключевые слова: поэтика, «Авиатор», Евгений Водолазкин.

Евгений Германович Водолазкин – литературовед и известный на сегодняшний день писатель. Филолог по образованию, специалист по древнерусской литературе¹, своим творчеством он поддерживает европейскую культурную тенденцию 2-ой пол. XX-нач. XXI вв. – «профессорская литература». Основными ее особенностями можно назвать широкую эрудицию, знание схем конструирования литературных произведений, открытое и скрытое цитирование классиков, лингвистическую эрудицию, реминисценции, рассчитанные на столь же образованных читателей. Следует отметить, что в произведениях «профессорской литературы» фантазия приобретает литературоведческое звучание. Чаще всего значительный «массив литературоведческих и культурологических знаний отесняет в «профессорской литературе» непосредственное восприятие окружающей жизни»².

Из-под пера Е. Водолазкина вышли роман «Соловьев и Ларионов» (опубл. 2009), роман-житие «Лавр» (опубл. 2012) и роман «Авиатор» (опубл. 2016). На сегодняшний день роман «Авиатор», который вывел Е. Водолазкина в звезды современной литературы, является последним произведением писателя.

¹ В 1990 году Е. Водолазкин защищает кандидатскую диссертацию на тему «Хроника Георгия Амартола в древнерусской литературе», он поступает на работу в Отдел древнерусской литературы Пушкинского дома, который возглавлял Д.С. Лихачёв. В 2000 г. Водолазкин защищает докторскую диссертацию по теме «Всемирная история в литературе Древней Руси». После этого он начинает заниматься художественным творчеством.

² Об этом: <http://schooltask.ru/professorskaya-literatura-myordok-i-merlya-goldinga-i-tolkiena/>.- Дата обращения: 19.02. 2018.